

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС» КАК ФАКТОР ИСТОРИИ СТРАН И РЕГИОНОВ

УДК 94(438+477)

doi 10.17072/2219-3111-2018-3-31-41

«ПОХИЩЕНИЕ ДУШ»: ПРОЦЕССЫ УКРАИНИЗАЦИИ ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В ЭПОХУ П РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

*М. А. Булахтин*Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
bulachtin@yandex.ru

Анализируются процессы украинизации польского населения в Восточной Галиции, входившей в состав межвоенной Польши. Исследуются свидетельства галицийских поляков о межнациональных отношениях в этом регионе. В своих посланиях центральным властям они выражали беспокойство по поводу будущего поляков на юго-востоке страны, сохранения территориальной целостности польского государства. Отмечались подъем украинского национального движения в Восточной Галиции, успешное развитие украинских хозяйственных, культурно-просветительских организаций, укрепление украинского национального самосознания у восточнославянского населения региона. Этот процесс оказывал сильное воздействие на польское население, проживавшее в сельских районах края. Согласно свидетельствам, определенная его часть постепенно утрачивала польскую национальную идентичность и украинизировалась. Указывалось также на целенаправленное воздействие украинской стороны на поляков, призванное подтолкнуть их к смене польской идентичности на украинскую. Стремление занимать достойное положение в восточногалицийском обществе, в котором тон задавали украинцы, называлось дополнительным фактором отказа поляков от своей национальности в пользу украинской самоидентификации. Важная роль в процессе украинизации отводилась греко-католическому духовенству. Авторов посланий особенно беспокоила судьба польской молодежи, утрачивавшей свое национальное самосознание в пользу украинской идентичности. Крещение в униатской церкви называлось очень важным элементом процесса денационализации польских детей и усвоения ими украинского самосознания. В обращениях выражалось требование предпринять конкретные шаги по исправлению сложившейся ситуации. Прежде всего рекомендовалось оказать государственную поддержку римско-католической церкви и укрепить ее позиции в Восточной Галиции. Предлагалось создать правовые, организационные и финансовые механизмы, которые бы позволили возвращать в лоно римо-католицизма поляков, крещенных в греко-католической церкви, и тем самым способствовать сохранению и укреплению их польской национальной идентичности. Подобные обращения принимались во внимание центральными властями Польши. Звучавшая в них тревога совпадала с опасениями польского правительства и военного руководства относительно безопасности восточных рубежей страны в условиях роста международной напряженности во второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: Польша, Восточная Галиция, польско-украинские отношения, межвоенный период.

Проблемы национального строительства, взаимоотношений этнических меньшинств и «титულных» наций в многонациональных государствах продолжают привлекать исследовательское сообщество. Сохраняется актуальность изучения этих проблем и применительно к истории восточноевропейского региона. Как известно, в результате падения империй в Центральной и Восточной Европе после Первой мировой войны возникли новые государства, этнический состав которых был разнородным. Одним из таких государств была Польша. Наиболее значительным национальным меньшинством в Польской республике являлись украинцы, численность которых превышала 4 млн. чел. [Rajewski, 1995, S. 164]. Несмотря на то что польское правительство подписало договор о защите национальных меньшинств, взятые на себя обязательства Варшава никогда не исполняла сколь-

ко-нибудь удовлетворительно [Борисенок, 2015, с. 663]. Более того, в период существования парламентской демократии польские правые и центристские партии обсуждали вопрос о реформе избирательного законодательства с целью ограничить представительство национальных меньшинств в парламенте.

По мнению польского историка А. Чубиньского, из всех национальных меньшинств, проживавших в Польше, наиболее сурово власти относились к украинцам [Czubiński, 1994, s. 359]. Это способствовало усилению влияния в западноукраинском обществе радикальной националистической Украинской военной организации (УВО). Ее представители делали ставку на вооруженную борьбу за создание независимого украинского государства, занимали непримиримую позицию в отношении Польши, организовывали диверсионные и террористические акции против польских чиновников, нападения на полицейские и армейские посты.

Летом 1930 г. в рамках борьбы с «польской оккупацией» УВО организовала в Восточной Галиции нападения на имения польских генералов и чиновников, усадьбы польских колонистов, разрушение транспортной инфраструктуры, атаки на почтовые отделения. Широкое распространение получили поджоги жилых домов и хозяйственных построек. По мнению польского историка А. Гарлицкого, руководители организации хотели с помощью крайних мер вызвать чувство враждебности и ненависти, которое бы сделало невозможным любое польско-украинское сближение и примирение [Garlicki, 1989, S. 589]. Украинский исследователь А.С. Рублёв отмечает, что своими действиями радикалы пытались дезорганизовать государственные структуры в Галиции, оказать давление на местное польское население и вызвать в нем тревогу, отпугнуть поляков от покупки земли в регионе, вынудить польских колонистов оставить свои хозяйства [Рублёв, 2011, с. 99].

Диверсионная акция УВО обострила польско-украинские отношения. В ответ на действия украинских радикалов в городах Галиции стали создаваться польские Союзы защиты восточных кресов (окраин), требовавшие вмешательства правительства для подавления «гайдамащины» [Зашкільняк, Крикун, 2002, с. 474].

По решению главы правительства Ю. Пилсудского осенью 1930 г. в Восточной Галиции была проведена карательная операция. Она охватила 450 сел (по данным украинской стороны – 750 сел) и основывалась на принципе коллективной ответственности. Операцию проводили специальные подразделения армии и полиции. Угрожая сровнять село с землей, польские военные принуждали местных жителей платить контрибуцию деньгами и продуктами в пользу размещенного в населенном пункте армейского подразделения. Жестокому избиению подвергались местные украинские активисты. Под предлогом поиска оружия военные причиняли серьезный материальный ущерб селянам: срывали крыши с домов, били стекла в окнах, разваливали печи, ломали мебель, одежду топтали сапогами и разрывали штыками, продукты бросали в грязь, уничтожали сельскохозяйственный инвентарь, загрязняли колодцы. Разгрому подверглись украинские культурно-просветительские и хозяйственные учреждения: уничтожались товары, оборудование, библиотеки, портреты Т.Г. Шевченко, в концертных залах – декорации, театральные костюмы, музыкальные инструменты сельских оркестров. Оскорблялись и национальные чувства украинцев. Крестьян заставляли целовать землю и приговаривать, что это «польская земля», славить Польшу и Пилсудского, вульгарно отзываться об Украине, петь песни, высмеивавшие украинский народ [Рублёв, 2011, с. 100–101]. Таким образом, власти пошли на широкомасштабное применение полицейского террора. Все это делалось под предлогом поиска «террористов УВО», а на самом деле для устрашения украинского населения [Зашкільняк, Крикун, 2002, с. 475]. В рядах польской оппозиции действия властей считали жестокими и дикими. Данные события российский историк Г.Ф.Матвеев назвал вторым, после вооруженного столкновения в 1918–1919 гг., этапом польско-украинской войны в Галиции [Польша в XX веке..., 2012, с. 200].

Украинский историк Л.А. Зашкільняк не без оснований отмечает, что общее настроение как украинского, так и польского населения в межвоенный период характеризовалось сохранением взаимного предубеждения и эмоциональной ненависти [Зашкільняк]. Тем не менее с обеих сторон предпринимались попытки достичь компромисса. Одна из них привела к заключению в 1935 г. между правящим режимом и Украинским национально-демократическим объединением соглашения о нормализации польско-украинских отношений. Правительство было заинтересовано в участии национальных меньшинств в предстоящих парламентских выборах, поскольку польские оппози-

ционные партии их бойкотировали и призвали население поступить аналогичным образом [Зашикільняк, Крикун, 2002, с. 481].

Однако накануне Второй мировой войны польское правительство отошло от политики «нормализации». Одной из причин такого поворота было усиление международной напряженности во второй половине 1930-х гг., желание польских военных, оказывавших значительное влияние на государственную политику, укрепить безопасность на восточных рубежах страны. Немаловажную роль в отступлении от примирительного курса в отношении украинцев могло также сыграть давление политически активной части польского населения Восточной Галиции, обеспокоенной последствиями политики «нормализации» и усилением украинского движения [Федевич, 2009, с. 194]. Не случайно даже оппозиционно настроенный к властям известный польский деятель В. Витос в своих воспоминаниях отмечал, что в те годы польскость в Восточной Галиции погибала прямо «на глазах» (Witos, 1990, s. 439). Следует заметить, что в тот период представители авторитарного режима «санации», группировавшиеся вокруг маршала Э. Рыдз-Смиглого, в поисках поддержки польского населения и правых политических сил обратились к постулатам польского национализма.

Во второй половине 1930-х гг. в Варшаву стали поступать сигналы от местного населения и региональных властей об угрозе украинизации поляков в юго-восточных воеводствах страны. В материалах Министерства вероисповеданий и образования межвоенной Польши сохранились документы, отражавшие тревоги галицийских поляков за свое будущее. Изучению этого вопроса в историографии пока уделено мало внимания, поэтому представляется целесообразным подробнее остановиться на содержании данных свидетельств.

Весьма примечательным является обращение жителей сельской гмины (волости) Косов Тарнопольского воеводства, направленное президенту Польши в октябре 1936 г.¹ Документ начинался с восклицания: «Господин Президент! В Восточной Малопольше (официальное название Восточной Галиции. – М.Б.) исчезает польскость!!! Польскость исчезает на земле Собеских² и Жолкевских³, на земле с тысячелетней польской культурой, на земле, обильнее всех политой польской кровью...» (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 874). В письме отмечалось, что за последние 50 лет от римско-католического обряда в Восточной Галиции отпало 1,5 млн. поляков, принявших греко-католичество. Следовательно, 30 тыс. поляков ежегодно оставляют свою веру и народность, переходя в лагерь «врагов польскости».

Указывалось, что это происходило прежде всего в сельских районах, и особенно там, где польское население составляло меньшинство. Под влиянием агитации и «украинского террора» польский крестьянин крестил своих детей в греко-католической (униатской) церкви и сам принимал греко-католичество. Он начинал стыдиться своего родного языка и переходил на «украинскую мову». Польские дети, крещенные в греко-католической церкви, со временем втягивались «попами» и украинскими деятелями в националистические организации, становясь «янычарами» на службе воинствующего украинского национализма в борьбе с Польшей.

По мнению авторов, стремительная «русинизация» (украинизация) польского крестьянства в Восточной Галиции могла поставить под вопрос принадлежность этого региона Польше. «Не нужно ли будет отдать эту прекрасную землю украинцам даже без всякого вооруженного сопротивления? Как же тогда оценят будущие поколения отсутствие заботы нынешнего поколения о польских национальных завоеваниях в Восточной Малопольше? [Они подумают, что] власть и общество как будто бы не видели этой трагичной ситуации на селе Восточной Малопольши!!!» – утверждалось в документе (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 875).

В послании отмечалось, что вплоть до недавнего времени поляки в Тарнопольском воеводстве составляли половину населения, в Львовском воеводстве – даже большинство. Однако за последние десятилетия значительное их количество было «русинизировано», включая представителей польской гербовой шляхты. Многие старинные польские храмы и монастыри стали достоянием греко-католической церкви. Процесс исчезновения польскости в сельских районах Восточной Галиции идет постоянно и становится более интенсивным по мере роста давления украинских националистов.

Причиной «просто панического оставления польскости» называлась деятельность «украинских попов и агитаторов», распространявших «откровенную ложь» о том, что поляки в Восточной Галиции являются лишь латинизированными украинцами. Высмеивая польский язык как «панский» (господский) и называя приверженцев римско-католического обряда «латинскими Иисуска-

ми», они затягивают польского крестьянина в свою церковь и националистические общества. «Упорствующим» полякам украинские кооперативы не предоставляют кредиты, отказываются покупать их продукцию, не дают работу польским ремесленникам. Тем, кто твердо стоит при своей вере и национальности, украинцы стремятся причинить материальный ущерб, например, срезают хлеб на корню, вырывают и ломают деревья в садах, совершают поджоги имущества (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 876).

Авторы послания утверждали, что, используя различные поводы, посредством живого слова, с церковного амвона, через свои газеты украинские агитаторы постоянно внушают местному населению, что Восточная Галиция – это украинская земля и она будет объединена с Большой Украиной, поскольку Польша будет вынуждена ее отдать. И тогда наступит расплата с проживающими здесь поляками.

В документе отмечалось, что, куда бы ни направился польский крестьянин в Восточной Галиции, он повсюду слышит только украинский язык, потому что здесь к любому крестьянину относятся как к русину (украинцу). В еврейских магазинах на селе, на ярмарках в городках, а также в фольварках к нему обращаются по-русински. Даже в чисто польских фольварках и во многих польских селах безраздельно господствует русинский язык. А ведь фольварки, как замечали авторы, принадлежат польским помещикам. Даже в некоторых государственных учреждениях к польскому крестьянину обращаются по-русински.

Составители послания указывали, что украинские передвижные театры постоянно навещают местные селения, польских же театров там практически не видно. В результате польский крестьянин, не имея другой возможности, идет на украинские мероприятия, где «напитывается» украинским национализмом. Если польские культурные мероприятия, публичные лекции иногда и проводятся, то обычно они являются слишком «учеными» и крестьянина не привлекают. То же самое можно сказать о журнальных статьях различных политиков и публицистов, которые с «высоты варшавских кафе» совершенно не видят национальных проблем в Восточной Галиции и представляют местные отношения в самом ложном свете. Это вызывает у польских крестьян ощущение, что, по-видимому, Восточная Галиция действительно является украинской землей.

Авторы послания жаловались на то, что украинские кооперативы сосредоточили в своих руках всю торговлю в сельской местности края, подрывая деятельность польских обществ сельскохозяйственной и потребительской кооперации (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 877). Например, если в какой-либо местности создается такое общество, то украинцы сразу же открывают здесь свое и прилагают все усилия для того, чтобы поляки покупали товары только в этом магазине. Отмечалось также, что украинцы имеют монополию на торговлю поголовьем свиней, молочной продукцией, яйцом, тем самым ставя в зависимость от себя польских крестьян. Благодаря легкомысленной поддержке польского населения украинцы собирают «большие барыши», которые направляют на борьбу с польскостью, на выкуп польской земли, на поддержку боевых националистических дружин, на бомбы и револьверы. По словам авторов, в одном только Львове насчитывалось более двух десятков магазинов украинского молочного «Маслосоюза», существовавших благодаря покупкам польского населения.

Внимание президента обращалось на то, что украинская интеллигенция свободных профессий заняла доминирующие позиции в деревнях и городках Восточной Галиции, почти вытеснив поляков из соответствующих сфер деятельности. Вся эта «фаланга» старательно работает на то, чтобы «русинизировать» Восточную Галицию, насаждая среди русинского населения украинский национализм, а также втянуть в украинские ряды и польского крестьянина. Авторы с сожалением отмечали, что польская интеллигенция в крупных городах региона неохотно заглядывала в село, так как не имела с крестьянином общего языка и перекладывала всю тяжесть культурного труда на учителей, и так перегруженных своей работой. Тем временем вся украинская интеллигенция участвовала в националистических акциях. Не было ни одного ее представителя, в том числе находящегося на государственной службе, который не был бы обложен налогом в пользу украинской националистической организации и не работал бы в ней активно. Целью же всех этих структур было искоренение польскости в Восточной Галиции (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 878).

Авторы послания сетовали на то, что украинцы в этом регионе являются привилегированным населением, а поляки – только терпимым (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 877). Куда бы ни обратился польский крестьянин, везде он чувствовал себя гражданином второго сорта, как будто бы Золуш-

кой. К украинцу же везде относятся с предупредительной вежливостью и в первую очередь решают его вопросы. Свой же поляк может подождать в сторонке, потому что не бросит бомбу. В любом судебном разбирательстве на стороне украинца выступает целая армия украинских адвокатов, которые только и ждут, чтобы помочь «угнетенным» украинцам и помучить поляков». У последних же нет таких опекунов и советников. Приезжающие сюда польские колонисты могут хотя бы убежать в свои давние земли, а вот куда деваться полякам, которые здесь живут с незапамятных времен, – задавались вопросом авторы письма (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 878).

В результате для облегчения своей жизни польский крестьянин использует украинскую речь, бежит от своей национальности, «крестит детей в украинцев». В ряде сел с польским меньшинством за последние годы в «украинском обряде» было крещено до 70 % польских детей (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 879). Униатские священники, крестив польского ребенка, вписывают его в свои метрические книги и не сообщают об этом крещении римско-католическим священнослужителям. Последние проводят польские супружеские пары в своих метрических книгах как бездетных, при этом их же детей униатские пастыри крестят и записывают как греко-католиков. Правда, иногда они вынуждены передать сведения о крещенном ребенке для записи в римско-католические метрики. В результате гражданин страны имеет две метрики, что вносит путаницу в государственную статистику.

Таким образом, делали вывод авторы, в этом регионе все обернулось против польскости. «А мы, поляки Восточной Малопольши, хотим лишь того, чтобы к нам относились как к равным в правах на собственное национальное существование, чтобы украинизм не вырывал у нас наш язык и веру. Чужого мы не хотим, но и своего не отдадим», – отмечалось в послании (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 879).

Авторы утверждали, что на территории Львовского архиепископства римско-католического обряда, охватывающего Тарнопольское, Станиславское и часть Львовского воеводства, проживает около 2 млн. якобы «украинцев», из которых 1,5 млн. являются «одураченными русинизированными поляками». Чтобы вернуть потерянные «польские души», предлагалось прежде всего подвергнуть ревизии метрическую документацию. Во избежание «перекрашивания» поляков в украинцев рекомендовалось ввести в Восточной Галиции бюро записи актов гражданского состояния, отобрав у приходских священников право на ведение метрик. Предлагалось также «клеить ренегатов» всеми доступными средствами, пробуждать национальное сознание и национальную совесть у польских крестьян, оказывать значительную поддержку польскому элементу в регионе, чтобы он «не чувствовал себя Золушкой» (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 880).

В письме отмечалось, что украинское представительство в сейме пускает пыль в глаза и усыпляет бдительность польского правительства декларациями о мнимой лояльности, чтобы местным агитаторам было легче увеличивать украинские национальные завоевания. Следовательно, делали вывод авторы, при сохранении существующего положения за несколько десятилетий Польша без войны может потерять треть своей территории и населения.

Вскоре в Министерство вероисповеданий и образования из МВД Польши была передана копия письма тарнопольского воеводы, также посвященного проблеме украинизации польского населения. Судя по тексту, чиновник и прежде сигнализировал о существовании этой проблемы. Он, в частности, отмечал, что для польских национальных интересов «вредным» фактором является греко-католическое духовенство, которое в этнически смешанных районах «без всякого зазрения совести совершает так называемую кражу душ», и происходит это главным образом при крещении (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 881). В письме указывалось на «очень слабое национальное чувство» у польских селян, находящихся под воздействием преобладающего украинского населения. В результате поляки используют украинский язык как разговорный, объединяются с украинцами семейными узами.

По признанию воеводы, в юго-восточных землях Польши обрядовая принадлежность полностью совпадает с национальной (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 882). Следовательно, завоевания греко-католической церкви означают ослабление польских национальных позиций и усиление элементов, равнодушных к интересам польской государственности, а часто даже враждебных ей.

Чиновник сообщал, что процесс «рутенизации» (украинизации) польского элемента незаметно, но последовательно продвигается. Об этом, в частности, свидетельствовало изучение ситуации в одном из средних по величине поветов (уездов) Тарнопольского воеводства. Выяснилось, что

около 500 детей школьного возраста, поляков по происхождению, под влиянием местных национальных отношений и особенно греко-католического духовенства было денационализировано и потеряно для польского народа. Воевода замечал, что противодействовать этому процессу правовыми средствами очень трудно, а во многих случаях просто невозможно. Вмешательство администрации в дело ведения метрических книг регулировалось устаревшими австрийскими предписаниями, которые в совершенно новых условиях не давали властям никаких средств для противодействия захватническим устремлениям более сильного в регионе украинского элемента по отношению к более слабому польскому.

Отмечалось, что «рутенизации» подвергались не только польские крестьянские семьи, проживавшие здесь с давних пор, но и поляки, поселившиеся на этих землях после 1920 г. Сближение с украинским населением, усвоение украинского языка, который постепенно становился их разговорным, а «хуже всего», заключение смешанных браков приводило к формированию у поляков безразличного отношения к своей национальности (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 883). Для удобства или под влиянием уговоров этот процесс завершался крещением польских детей в греко-католической церкви, что было равнозначно их полному отрыву от польской народности. Дети школьного возраста, попадавшие в процессе воспитания под влияние униатской церкви, становились совершенно потерянными для польскости.

Воевода заключал, что если речь идет о возвращении в латинский обряд, а значит, и в польскость, «душ», незаконно вписанных в униатские метрические книги, то главная трудность в этом деле состоит в устаревшем законодательстве и «неподатливой» позиции греко-католических консисторий. По словам чиновника, исправление записей в метрических книгах греко-католического обряда до сих пор основывалось на австрийском законе от 1836 г., согласно которому любые распоряжения в части дополнительных записей или исправлений в метрических книгах относятся не непосредственно к католическим приходским учреждениям, а к соответствующим консисториям, которые издают необходимые предписания подчиненным им приходским учреждениям. Таким образом, отмечал воевода, распоряжения административной власти могут не исполняться. Почти каждое письмо соответствующей государственной инстанции, направленное греко-католическим консисториям и имеющее целью возвращение «душ», незаконно вписанных в украинские метрические книги, не находит там отклика. Эти распоряжения они или вообще обходят молчанием, или прямо отказывают в исполнении.

По словам чиновника, такое положение дел представляет серьезную опасность денационализации, грозящей польскому крестьянству, рассеянному по территории Тарнопольщины среди плотной массы украинского населения (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 884). Поэтому он предлагал срочно разработать вопрос о ревизии действующего законодательства, с тем чтобы дать властям возможность эффективно защищать латинский обряд, а также вернуть «польские души», нелегально захваченные греко-католической церковью.

В материалах министерства под грифом «секретно» сохранилась аналитическая записка, подготовленная Институтом исследований национальных отношений и посвященная полякам «иных вероисповеданий» в Восточной Малопольше. Авторы документа отмечали, что с 1910 г. наблюдается значительный рост числа поляков греко-католического вероисповедания (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 892). В начале 1930-х гг. в Львовском, Станиславском и Тарнопольском воеводствах проживало около 450 тыс. поляков греко-католического обряда (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 893). При этом эксперты признавали, что вопрос о степени польского национального самосознания данной группы населения до конца не прояснен (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 894). В сельской местности ее представляла мелкопоместная шляхта и польские крестьяне-колонисты, в городах – польская интеллигенция, многочисленные мещанские группы и прежде всего ремесленники.

Отмечалось, что положение поляков греко-католического обряда является очень тяжелым. Они сталкиваются с незаслуженным недоверием со стороны польского римско-католического общества. Представители же «воинствующего украинизма» считают их «отступниками». Поэтому перед ними все чаще встает вопрос: либо перейти в латинский обряд, либо поддаться «рутенизации». По мнению аналитиков, переход в латинский обряд был бы самой надежной защитой от «рутенизационной» деятельности греко-католической церкви. Однако с национальной и государственной точек зрения стремительная смена обряда признавалась не самым лучшим решением. Высказывалось мнение о том, что это население должно быть хорошо организованным, чтобы эффектив-

но бороться за свои права, а именно добиваться назначения на церковные должности в греко-католических приходах представителей польской национальности, права на чтение проповедей на польском языке, использование польских молитвенников и т.д. Признавалось, что до сих пор польское население греко-католического вероисповедания не было окружено надлежащей опекой со стороны польского общества и государственной власти (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 894–895).

Об угрозе «массовой денационализации польских душ» в министерство писали и представители польских образовательных организаций Восточной Галиции. Так, сохранилось послание деятелей товарищества «Народная школа» из Тарнопольского воеводства, адресованное генеральному инспектору вооруженных сил Э. Рыдз-Смиглому, одному из самых влиятельных людей в Польше и к тому же уроженцу Тарнопольщины. Само товарищество, созданное еще в XIX в., ставило задачу поддержки польского национального самосознания, сохранения польскости в этнически смешанных районах и восстановления утраченных там польских национальных позиций. Особое значение деятели товарищества придавали поддержке польской народной школы, защите польских детей от денационализации (Stepowski, 1991, s. 7–20).

Авторы письма отмечали, что вследствие малой сопротивляемости с польской стороны, а также в результате активной украинской агитации процесс денационализации поляков зашел так далеко, что в некоторых гминах, где еще перед началом мировой войны польский элемент составлял большинство, теперь его доля уменьшилась до 25–30 % от довоенного уровня (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 916). Одной из причин «русинизации» называлось слабое национальное самосознание местных поляков, часто не отдававших себе отчета в том, что крещение детей в церкви, а не в костеле являлось решающим моментом в процессе денационализации. Возвращение в римокатолицизм поляка, крещенного в униатской церкви, в местных условиях называлось крайне трудной задачей.

Указывалось, что процессам денационализации способствовало также отсутствие соответствующего количества римско-католических храмов и священников, которые бы эффективно противодействовали планомерной и систематической атаке с украинской стороны. Для иллюстрации приводилась ситуация в одном из поветов (уездов), где на 4 польских ксендзов приходилось 28 русинских священников, препятствовавших любым попыткам дерусинизации поляков. Сталкиваясь с таким сопротивлением, польские священники, не желая дразнить другую сторону, пассивно наблюдали за развитием событий.

Еще одной причиной, «наиболее опасной и сдерживающей дерусинизацию в этнически смешанных гминах», называлась нецелесообразная с учетом местных условий концентрация в руках клира метрических книг. Крещенный в греко-католической церкви поляк, со временем осознавший значение национального чувства, обращается к местному русинскому священнику с просьбой выдать ему метрическое свидетельство и выйти из сообщества греко-католической церкви. Однако он встречается с решительным отказом и требованием внести значительную плату за предоставление метрики. Удивленный такими препятствиями поляк мешкает с улаживанием этого вопроса и, фигурируя в метрических книгах греко-католического прихода, посещая местную церковь по причине отсутствия костела, со временем полностью денационализируется.

Отмечалось, что в гминах, где представители товарищества «Народная школа» проводят акцию по дерусинизации «польских душ» с польскими фамилиями и шляхетской традицией (например, людей с такими фамилиями, как Конопки, Хажевские, Чайковские, Понятовские, Галаревичи), наблюдается решительное сопротивление и чрезвычайно враждебная реакция со стороны местного униатского священника. Он публично, с амвона, ссылаясь на угрозу полонизации украинцев, запретил дерусинизированным полякам посещать местную церковь, назвав их ренегатами, предающими украинский народ (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. К. 917).

Для укрепления польских позиций авторы письма предлагали создавать в регионе новые приходы и храмы. Для сдерживания процессов «русинизации» рекомендовалось провести в районах со смешанным населением мероприятия по возвращению «русинизированных польских душ». Государственная власть в лице старост⁴, а также органы местного самоуправления в лице правлений гмин должны были собрать необходимые данные для формирования представления о реальном положении дел и грозящей опасности. Затем предлагалось поручить правлениям гмин провести на своих территориях процесс «дерусинизации». Если бы это оказалось трудно реализуемой задачей, то рекомендовалось использовать опыт Германии, где ведение метрических книг находилось в

компетенции административных властей. Подобная мера в значительной степени ослабила бы деятельность униатского клира, сдерживавшего процесс «дерусинизации». Высказывалась также просьба изменить законодательство, с тем чтобы родители могли сменить вероисповедание своих детей в возрасте не до 7 лет (как предусматривалось законом), а до 14 лет. Эта корректировка облегчила бы польским учителям возможность повлиять на родителей ребенка в плане смены его вероисповедания в период школьного обучения (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 920).

Свою тревогу по поводу грозившей полякам денационализации выражали и польские колонисты. Так, в докладной записке министру, направленной в декабре 1938 г. Малопольским союзом осадников (поселенцев)⁵, отмечалось, что из-за отсутствия достаточной опеки со стороны римско-католической церкви происходит стремительный процесс денационализации польского населения в сельских районах Восточной Галиции. Слишком большая отдаленность от римско-католического храма вынуждала польских селян крестить детей в греко-католических церквях, густо рассеянных на этой территории, и пользоваться религиозными услугами униатского духовенства. Именно таким путем и происходила «кража польских душ» греко-католичеством. Русинские священники намеренно не отсылали в римско-католические приходы метрики крещенных ими польских детей (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 936).

Указывалось, что мало просвещенные в национальных вопросах родители не понимали опасности, грозившей национальным интересам государства, и не заботились о том, чтобы метрики их детей возвращались в римско-католический костел. По мнению авторов, «хорошее» до недавнего времени сосуществование римско-католического духовенства с униатским усыпило бдительность польского клира, не следившего за приростом польского населения и не напоминавшего о необходимости возвращения метрик польских детей, крещенных в греко-католических церквях. Наконец, национальное самосознание, прививаемое униатским духовенством русинскому населению в сельских районах, приводило к тому, что смешанные браки, как правило, были неблагоприятны для польскости, поскольку мало просвещенное польское население подвергалось влиянию церкви и русинизировалось (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 937). Густая сеть приходских церквей, а также большое количество греко-католических священников, которые вместе с украинским учительством были первыми и главными пропагандистами «подрывных и сепаратистских украинских лозунгов», способствовали существенному расширению украинских национальных завоеваний. Это происходило в том числе за счет «польских душ», что подтверждали метрические книги.

«Осадники» утверждали, что в спорах за «души», как правило, побеждает греко-католическое духовенство, как более агрессивное, теснившее польских священников к сугубо оборонительной позиции. «Кража душ» направлена против польских национальных завоеваний, требующих в этих условиях особой защиты со стороны государственной власти.

Авторы полагали, что польское население в регионе лишено надлежащей духовной опеки. Отмечалось, что в национально смешанных районах Восточной Галиции у греко-католиков на 200% больше приходов, на 165 % – храмов, на 26 % – часовен и на 150 % – священников (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 938). Значительным препятствием для надлежащей пастырской деятельности служило то обстоятельство, что многие представители римско-католического духовенства были пожилыми людьми и не могли демонстрировать тот динамизм, который характерен для «бойцовски» воспитанного молодого греко-католического клира. По той же причине польские священники часто не могли справиться с объездами поселений и часовен. Этому не способствовало также ужасное состояние транспортной коммуникации, плохое материальное положение польских приходов, которые были не в состоянии оплатить расходы, связанные с этими объездами. Небольшие группы польского населения, которые просят о приезде к ним священников, также не могут оплатить их расходы.

Значительное превосходство греко-католического духовенства над римско-католическим авторы объясняли и тем, что государственные средства, предназначенные на содержание униатского клира, передаются епископствам, которые распределяют их по собственному усмотрению. Эти деньги нередко направляются на «подрывную пропаганду» украинцев, поддержку их экономических организаций, на выкуп польской недвижимости (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 939).

«Осадники» сформулировали пожелания, которые просили выполнить в самое ближайшее время. Предлагалось, в частности, принять закон или издать распоряжение, которое бы позволило провести проверку метрических книг и восстановить римско-католическое вероисповедание лицам,

потерявшим его из-за недобросовестного ведения метрической документации греко-католическим клиром. Вслед за этим польская общественность начнет работу по национальному просвещению соплеменников, возвращенных в латинский обряд. Рекомендовалось также «омолодить» римско-католическое духовенство, укрепив его «первоклассными» силами, которые были бы родом из деревни, обладали подготовкой для ведения пастырской и социальной деятельности. Выражалась просьба найти возможности для строительства новых костелов и часовен в Восточной Галиции.

В мемориале предлагалось внести изменение в конкордат с греко-католической церковью, с тем чтобы средства, предназначенные на содержание униатского клира, государство передавало не епископствам, а конкретным священникам и это происходило бы при условии, что они не действуют в ущерб государству. Авторы делали вывод о том, что все перечисленные меры помогут не только сохранить польские национальные завоевания, но и компенсировать понесенные потери (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 940–941). Высокопоставленный чиновник министерства на тексте обращения оставил запись о том, что рекомендации «осадников» совпадают с пожеланиями Согласительного комитета польских организаций на территории Восточной Малопольши, которые были поддержаны министерством (AAN. Zesp. 2/14. Jedn. 414. K. 935).

Таким образом, в поступавшей в Варшаву документации описывались процессы, которые, по мнению ее авторов, представляли угрозу интересам Польского государства. Приводившиеся в письмах факты говорили об усилении украинского сообщества в регионе, распространении ассимиляционных процессов среди местного польского населения. Описывались факторы, способствовавшие утрате галицийскими поляками своей национальной идентичности. Данному процессу благоприятствовали, в частности, экономические успехи украинских деловых структур, позволявшие оказывать финансовую помощь различным политическим, общественным организациям, занимавшимся культурным просвещением украинского народа, повышением его национального самосознания. Большую роль в этих процессах играла украинская интеллигенция, учительство. Украинский язык приобретал все большую значимость, расширялась сфера его применения. В сферу этого воздействия попадало и польское население региона. Согласно свидетельствам украинизации подвергались поляки, не желавшие быть людьми «второго сорта», имевшие слабое национальное самосознание. Кроме того, авторы обращений отмечали экономическое, морально-психологическое давление на поляков с целью принятия украинской идентичности. Польскость утрачивалась также в результате заключения смешанных браков.

Из документов следует, что весьма значительной в процессе украинизации была роль греко-католического духовенства, занимавшего активную, наступательную позицию в деле распространения украинской идентичности. Особое беспокойство польской стороны вызывала утрата национального самосознания молодым поколением поляков. Предпосылкой этого служило крещение польских детей в греко-католической церкви, что способствовало их украинизации.

Представители польского сообщества Восточной Галиции призывали центральные власти вмешаться в ситуацию в регионе, предлагали конкретные меры по сдерживанию процессов денационализации польского населения и, судя по действиям правительства в конце 1930-х гг., были услышаны в Варшаве. Власти приступили к реализации целого ряда мер, связанных не только с проведением активной национально-просветительской кампании среди галицийских поляков, но и с полонизацией украинского населения [Борисенок, 2015, с. 668; Запкільняк, Крикун, 2002, с. 485]. Эти мероприятия в целом осуществлялись в рамках политики укрепления национальной безопасности в приграничных территориях страны. Действия правительства способствовали обострению польско-украинских противоречий, которые в годы Второй мировой войны привели к вооруженным столкновениям, сопровождавшимся многочисленными жертвами среди гражданского населения.

Примечания

¹ По-видимому, имеется в виду польский король Ян III Собеский (1674–1696), уроженец Восточной Галиции.

² Скорее всего речь идет об известном польском гетмане С. Жолкевском (1547–1620), также уроженце Восточной Галиции.

³ Староство – государственная администрация в повете (уезде); староста – глава государственной администрации в повете.

⁴Малопольский союз осадников являлся подразделением Львовского сельскохозяйственного общества, которое ставило перед собой задачу поддержки не только аграрного сектора, но и польской народности в Восточной Галиции. Председатель общества Л. Мышковский отмечал, что главной задачей этой организации является координация деятельности всех польских общественных сил для укрепления и расширения польских позиций в этой части края (см.: Myszkowski, 1939, s. 16, 22).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie (2/14). Jedn. 414. URL: <http://searcharchives.pl/2/14/0/5/414/str/1/63/15#tabSkany> (дата обращения: 05.09.2017).

Myszkowski L. Przemówienie wygłoszone przy otwarciu Rady Lwowskiego Towarzystwa Rolniczego w dniu 13 stycznia 1939 r. Lwów, 1939. 22 s.

Stępowski M. Towarzystwo szkoły ludowej. Jak powstało, co zrobiło i do czego dąży (1891–1911). W 20-tą rocznicę powstania Towarzystwa. Kraków, 1911. 143 s.

Witos W. Moje wspomnienia. Warszawa, 1990. Т. 2, cz. II. 627 s.

Бібліографічний список

Борисенко Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): Дис. ... докт. ист. наук. М., 2015. 948 с. URL: http://www.inslav.ru/images/stories/other/2015_borisenok_dissertacija.pdf (дата обращения: 10.09.2017).

Зашикільняк Л., Крикун М. Історія Польщі. Львів, 2002. 752 с.

Зашикільняк Л. Огляд проблем спільної (важкої) історії українців і поляків ХХ століття. URL: <http://www.memory.gov.ua/news/oglyad-problem-spilnoi-vazhkoi-istorii-ukrainsiv-i-polyakiv-khkh-stolittya> (дата обращения: 20.10.2017).

Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. 952 с.

Рубльов О.С. Пацифікація //Енциклопедія історії України. Київ: Наукова думка, 2011. Т. 8. С. 99–102.

Федевич К.К. Галицькі українці у Польщі. 1920–1930. (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920–1930-ті рр.). Київ: Основа, 2009. 277 с.

Czubiński A. Dzieje najnowsze Polski do roku 1945. Poznań: Wielkopolska Agencja Wydawnicza, 1994. 678 s.

Garlicki A. Józef Piłsudski. 1867–1935. Warszawa: Czytelnik, 1989. 719 s.

Pajewski J. Budowa Drugiej Rzeczypospolitej. 1918–1926. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1995. 267 s.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.02.2018

«THE ABDUCTION OF SOULS»: UKRAINIZATION OF POLES IN EASTERN GALICIA IN THE SECOND POLISH REPUBLIC

M. A. Bulakhtin

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
bulachtin@yandex.ru

The process of Ukrainization of Poles in Eastern Galicia as a part of the interwar history of Poland is not sufficiently studied. The evidences of Poles on interethnic relations in the region are the main source for its study. In their notes to Poland's government, they expressed concerns about the future of Poles in southeastern provinces as well as about the territorial integrity of the Polish state. They observed the rise of Ukrainian national movement, the successful development of Ukrainian economic, cultural and educational organizations, and the strengthening of Ukrainian national identity among the population of Eastern Galicia. The process had a strong impact on the Polish rural population of the region. A certain part of this population gradually lost its national identity. There were evidences about purposeful impact of Ukrainians on Poles in order to encourage them to replace the Polish identity with the Ukrainian one. The desire to achieve a worthy position in the society of Eastern Galicia where Ukrainians prevailed was an additional reason for the Poles' refusal from their nationality in favour of Ukrainian identity. That was especially true for the younger generation. The Greek-Catholic Church also played a great role in the process of Ukrainization

through christening of children. The Polish correspondents demanded to take concrete steps to remedy the situation. First of all, they recommended providing the Roman Catholic Church with governmental support to strengthen its position in Eastern Galicia. They proposed the creation of legal, organizational and financial mechanisms that would stimulate Poles to return into the Roman Catholic Church, and thereby preserve Polish national identity in the region. Poland's government took such appeals into account. By the end of 1930s, the warning voices coincided with the political concerns towards the security of the eastern borders of Poland.

Key words: Poland, Eastern Galicia, Polish-Ukrainian relations, interwar period.

References

- Borisenok, E.Yu. (2015), *Kontseptsii «ukrainizatsii» i ikh realizatsiya v natsionalnoy politike v gosudarstvakh vostochnoevropeyskogo regiona (1918–1941)* [The concepts of «Ukrainization» and their implementation in national politics in the states of the Eastern European region (1918–1941)], Dissertation, Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Russia, 948 p.
- Fedevich, K.K. (2009), *Galitski ukraintsi u Polshchi. 1920–1930. (Integratsiya galitskikh ukraintiv do Polskoy derzhavi u 1920–1930-ti rr.)* [Galician Ukrainians in Poland. 1920–1930. (Integration of Galician Ukrainians into the Polish state in the 1920s–1930s)], Osnova, Kyiv, Ukraine, 277 p.
- Zashkilnyak, L. & M. Krikun (2002), *Istoriya Polshchi* [The History of Poland], Lvivskiy nacionalniy universitet imeni Ivana Franka, Lviv, Ukraine, 752 p.
- Zashkilnyak, L. (w.d.), *Oglyad problem spilnoi (vazhkoi) istorii ukrainciv i polyakiv XX stolittya* [Review of the problems of the common (difficult) history of Ukrainians and Poles of the 20th Century], available at: <http://www.memory.gov.ua/news/oglyad-problem-spilnoi-vazhkoi-istorii-ukraintiv-i-polyakiv-khkh-stolittya> (accessed 20.10.2017).
- Rubl'ov, O.S. (2011), “The pacification”, in *Entsiklopediya istorii Ukraini* [Encyclopedia of History of Ukraine], Naukova dumka, Kyiv, Ukraine, 2011, vol. 8, pp. 99–102.
- Czubiński, A. (1994), *Dzieje najnowsze Polski do roku 1945* [The Latest History of Poland until 1945], Wielkopolska Agencja Wydawnicza, Poznań, Poland, 678 p.
- Garlicki, A. (1989), *Józef Piłsudski. 1867–1935* [Joseph Piłsudski. 1867–1935], «Czytelnik», Warsaw, Poland, 719 p.
- Pajewski, J. (1995), *Budowa Drugiej Rzeczypospolitej. 1918–1926* [The Construction of the Second Polish Republic 1918–1926], Polska Akademia Umiejętności Publ., Cracow, Poland, 267 p.
- Polsha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii* [Poland in the Twentieth Century: political history essays], Indrik, Moscow, Russia, 952 p.